

Тимофей Алёшкин
Нигидий Фигул и пророчества Октавию

Светоний в биографии Августа пересказывает много пророчеств и предзнаменований, предвещавших Гаю Октавию власть над Римом. Если предположить, что четыре из них не придуманы, то получается вот такая история о младенце Октавии и римской политике конца 60-х годов до нашей эры.

Гай Октавий, будущий Гай Юлий Цезарь Октавиан Август, родился в год консульства Марка Туллия Цицерона и Гая Антония, в девятый день до октябрьских календ, то есть 23 сентября.

Республике в это время угрожал, по словам консула Цицерона, заговор во главе с Катилиной (через несколько дней Катилина уедет из Рима, но в Городе останутся его сообщники). И вот первое пророчество о судьбе Октавия было объявлено прямо в римском в сенате.

Светоний пишет: *в день его рождения, когда в сенате шли речи о заговоре Катилины, Октавий из-за родов жены явился с опозданием; и тогда, как всем известно и ведомо, Публий Нигидий, узнав о причине задержки и спросив о часе рождения, объявил, что родился повелитель всего земного круга.*

И Гай Октавий, отец будущего принцепса, и Публий Нигидий Фигул, астролог и учёный, были в иерархии римских сенаторов довольно незначительными фигурами – один эдилицием, второй квесторием, занимавших в сенате такие ранги спрашивали мнения по обсуждаемому вопросу в третью и четвертую очереди, а иногда и не спрашивали вовсе, только считали поданные ими голоса.

Сцена довольно странная: на заседании по делу о заговоре против Республики из-за опоздания какого-то эдилиция совсем уж незначительный квесторий вдруг объявляет, что у опоздавшего родился сын - не меньше как повелитель мира! Какая-то вдруг дурная и совершенно неуместная театральщина и цыганщина (позолоти ручку, погадаю!). Как только консул это вообще разрешил?

Однако же смотрим пристальней - консул Цицерон, созвавший заседание и Нигидий Фигул, огласивший на нём пророчество, были друзьями. Вот что пишет Плутарх о действиях Цицерона в конце 63 года против заговора сообщников Катилины в Риме во главе с Лентулом.

*Меж тем как Цицерон не знал, на что решиться, женщинам, приносившим жертву богине, явилось удивительное знамение. Когда огонь на алтаре, казалось, уже совсем погас, из пепла и истлевших углей вдруг вырвался столб яркого пламени, увидевши которое все прочие в страхе разбежались, а девственные жрицы велели супруге Цицерона Теренции, не теряя времени, идти к мужу и сказать, чтобы он смелее выполнял задуманное ради спасения отечества, ибо великим этим светом богиня возвещает Цицерону благополучие и славу. А Теренция, женщина от природы не тихая и не робкая, — но честолюбивая и, как говорит Цицерон, скорее участвовавшая в государственных заботах своего супруга, чем делившаяся с ним заботами по дому, не только передала консулу слова весталок, но и сама **всемерно его ожесточала против Лентула** и его сообщников. **Подобным же образом действовали его брат Квинт и Публий Нигидий, с которым Цицерона связывали совместные занятия философией и чьи советы он выслушивал почти по всем самым важным вопросам.***

Итак, Нигидий ожесточал Цицерона против Лентула и его сообщников в ноябре. Казалось бы, ему ну не было никакого резона в сентябре прерывать всякой ерундой заседание, созданное Цицероном именно с обвинениями против Катилины и Лентула! Ну а кто у нас Лентул? А Лентул у нас...

Плутарх:

Тех возвращенных Катилиною граждан, которые оставались в Риме, собирал и убеждал их не падать духом Корнелий Лентул, по прозвищу Сура, человек высокого происхождения, но дурной

жизни, изгнанный из сената за беспутство и теперь вторично исполнявший должность претора, как принято у римлян, когда они хотят вернуть себе утраченное сенаторское достоинство. ... Этого человека, отчаянного от природы и распаленного подстрекательствами Катилины, окончательно ослепили пустыми надеждами лжегадатели и шарлатаны, твердя ему вымышленные прорицания и оракулы, будто бы почерпнутые из Сивиллиных книг и гласящие, что трем Корнелиям назначено судьбою безраздельно властвовать в Риме и над двумя — Цинной и Суллой — предреченное уже сбылось, третий же и последний — он сам: божество готово облечь его единовластием, и нужно, не раздумывая, принять дар богов, а не губить счастливого случая промедлением по примеру Катилины.

...назначенный богами властелин Рима!

И вот тут всё встаёт на места: Фигул (при молчаливой поддержке ведущего заседание Цицерона), проведя экспресс-сеанс астрологии, высмеял не позволяющего себе опоздать в сенат выскочку - Октавия, а заговорщика и божественного избранника - Суру - мол, гражданин, глядите, у вас тут конкурент за власть над миром образовался! Очень серьёзный, аж из самих Октавиев Велитрских! Вы это, опасайтесь теперь за престол!

Дион Кассий, описывая эту же сцену, добавляет, что Октавиан, узнав о том, что его сын – господин Рима, тут же объявил, что готов его убить – цари были давно изгнаны и покушение на единоличную власть, царство-*regnum*, было тяжелейшим преступлением. Но Нигидий запретил Октавию убивать ребёнка, сказав, что невозможно, чтобы дитя постигла такая участь.

Попробуем и это продолжение посчитать непридуманным и тоже поставить в контекст времени. Бросается в глаза это уже какая-то пародия и совершенная швейковщина со стороны Октавия - он ОЧЕНЬ серьёзно реагирует на предупреждение Фигула и в очень староримском стиле, прямо как Брут какой-то. Но всё-таки если Октавий был серьёзен, то могли ли у него быть не религиозные, а политические основания для этого (как до этого я выше предполагаю политические основания у Фигула пророчить)? Мне кажется, были. Была в то же время похожая ситуация, в октябре 63 года, которую описывает Саллюстий.

*Немного спустя, когда приверженцы Катилины в Этрурии уже собирались в отряды и день, назначенный для выступления, близился, к дому Цицерона среди ночи пришли трое первых и самых влиятельных в Риме людей — Марк Красс, Марк Марцелл и Метелл Сципион. Постучавшись у дверей, они велели привратнику разбудить хозяина и доложить ему о них. Дело было вот в чем. После обеда привратник Красса подал ему письма, доставленные каким-то неизвестным. Все они предназначались разным лицам, и лишь одно, никем не подписанное, самому Крассу. Его только одно Красс и прочел и, так как письмо извещало, что Катилина готовит страшную резню, и советовало тайно покинуть город, не стал вскрывать остальных, но тут же бросился к Цицерону — **в ужасе перед грядущим бедствием и, вместе с тем, желая очистить себя от обвинений**, которые падали на него из-за дружбы с Катилиной. Посоветовавшись с ночными посетителями, Цицерон на рассвете созвал сенат и, раздав принесенные с собою письма тем, кому они были направлены, велел прочесть вслух.*

По-моему предполагаемые мотивы Октавия похожи на мотивы Красса - он боится обвинения в посягательстве на царство и хочет сразу себя очистить от подозрений. Причём оба боятся обвинений со стороны Цицерона, который или получил, или вот-вот получит чрезвычайные полномочия. То есть и этот диалог, наверное, можно уложить в сентябрьскую атмосферу всеобщей подозрительности и громких обвинений в неопределённый адрес со стороны Цицерона и оптиматов - проскрипционный список, как известно, полностью был утверждён только в декабре, так что до этого опасаться имели основание многие из тех, кто в него не попал в итоге.

И вот теперь пора посмотреть и на остальные знамения.

Сначала обратим внимание на последнее по времени из четырёх, вещий сон отцу Октавия, приснившийся через три года, в 60 году, когда он управлял провинцией Македонией.

Светоний:

*А потом Октавий, проводя свое войско по дебрям Фракии, совершил в священной роще Вакха варварские гадания о судьбе своего сына, и жрецы ему дали такой же ответ: (6) **в самом деле, когда он плеснул на алтарь вином, пламя так полыхнуло, что взметнулось выше***

кровли, до самого неба — а такое знаменье у этого алтаря было дано одному лишь Александру Великому, когда он приносил здесь жертвы. И в ту же ночь во сне Октавий увидел сына в сверхчеловеческом величии, с молнией, скипетром и в одеянии Юпитера Благого и Величайшего, в сверкающем венце, на увенчанной лаврами колеснице, влекомой двенадцатью конями сияющей белизны.

Позвольте, но только что мы что-то подобное встречали! Еще раз, уже приведённая история Плутарха:

*Уже смерклось, перед храмом, где заседал сенат, ждала толпа. Появившись перед нею, Цицерон рассказал гражданам о событиях этого дня, а затем народ проводил его в дом кого-то из друзей, жившего по соседству, ибо собственный его дом находился в распоряжении женщин, справлявших тайные священнодействия в честь богини, которую римляне зовут Доброю, а греки Женскою. Торжественные **жертвы ей приносятся ежегодно в доме консула его супругою** или матерью при участии дев-весталок. ... Меж тем как Цицерон не знал, на что решиться, женщинам, приносившим жертву богине, явилось удивительное знамение. **Когда огонь на алтаре, казалось, уже совсем погас, из пепла и истлевших углей вдруг вырвался столб яркого пламени, увидевши которое все прочие в страхе разбежались, а девственные жрицы велели супруге Цицерона Теренции, не теряя времени, идти к мужу и сказать, чтобы он смелее выполнял задуманное ради спасения отечества, ибо великим этим светом богиня возвещает Цицерону благополучие и славу.***

А кто у нас муж? А муж у нас - друг волшебника!

*А Теренция, женщина от природы не тихая и не робкая, — но честолюбивая и, как говорит Цицерон, скорее участвовавшая в государственных заботах своего супруга, чем делившаяся с ним заботами по дому, не только передала консулу слова весталок, но и сама всемерно его ожесточала против Лентула и его сообщников. Подобным же образом действовали его брат Квинт и **Публий Нигидий, с которым Цицерона связывали совместные занятия философией и чьи советы он выслушивал почти по всем самым важным вопросам.***

НигидийФигул был известен не только как астролог, но и как маг, который один раз с помощью введённого в транс мальчика нашёл пропавшие деньги (по Апулею). Ну то есть вот прямо *veneficus*-ом, то есть колдуном-отравителем (на латыни это слово значит и одно, и другое), специалистом по разной интересной запретной химии его никто не называл, кажется, но, согласитесь, ПОЧЕРК, одна и та же твёрдая рука ХИМИКА и специалиста по дивинации в обоих случаях прекрасно видны.

Как известно, труды Фигула по теологии и другим религиозным вопросам, таким, как предзнаменования, включали книгу «О богах» с описанием различных культов и церемониалов, и книги о предзнаменованиях и толковании снов.

Так вот, возвращаясь к вещим снам, теперь можно перейти к двум оставшимся пророчествам.

Первое – знамение самому Квинту Лутацию Катулу, в то время едва ли не самому влиятельному политику в Республике.

Светоний:

Квинт Катул, освятив Капитолий, две ночи подряд видел сон: в первую ночь — будто Юпитер Благой и Величайший выбрал одного из подростков, резвившихся вокруг его алтаря, и положил ему на грудь изображение богини Ромы, которое держал в руке; во вторую ночь — будто он увидел того же мальчика на коленях у Юпитера и приказал его оттащить, но бог удержал его, провещав, что в этом мальчике возрастает хранитель римского государства. А на следующий день Катул встретил Августа, которого никогда не видел, и всмотревшись в него, с восторгом сказал, как похож он на мальчика, который ему снился. Впрочем, некоторые рассказывают первый сон Катула иначе: будто Юпитер в ответ на крики мальчиков, требовавших себе

заступника, указал им на одного из них, в котором сбудутся все их желания, и коснувшись перстами его губ, поцеловал персты.

Итак, если история не выдумана, тогда по времени нужно отнести её не к 68-67 годам, когда, по Ливию, Катул освятил Капитолий, а к 63-началу 60, когда Октавий-младший уже родился, а Катул был жив (н умер в начале 60 или в конце 61 года)) или даже точнее к 62-60, когда будущий Август умел ходить и резвиться.

Второе - знамение Цицерону.

А Марк Цицерон, сопровождая Гая Цезаря на Капитолий, также рассказывал друзьям свой сон минувшей ночи: будто отрок с благородным лицом спустился с неба на золотой цепи, встал на пороге Капитолийского храма и из рук Юпитера принял бич; когда же он вдруг увидел Августа, никому еще не знакомого, который сопровождал своего дядю Цезаря к жертвоприношению, он воскликнул, что это тот самый, чей образ являлся ему во сне.

Опять же, исходим из того, что история произошла на самом деле. Тогда она могла случиться в 63-62 или в 60-59, пока в Риме были и Цезарь, и Цицерон (Цезаря не было в Риме в 61, когда он управлял Испанской провинцией).

Я думаю, что выдумать такое античным авторам было бы сложно. Сны про великую будущность маленького Октавия приснились людям, как на подбор, не особенно замеченным в пророческом раже, и очень несусеверным и практичным. Далее, совпадений СЛИШКОМ много, чтобы они были случайными - все три (включая Фигулову, а если с Октавиевой, то и четыре) истории происходят примерно в одно время - между 63 и 59 - и случаются они с лидером оптиматов Катуллом, главным оратором оптиматов Цицероном и ярим же оптиматом Фигулом, связанными политическим союзом, а также дружбой или как минимум (Фигул-Катул) близким знакомством. Интересно, что сценарии знамений у Катула и Цицерона несколько отличаются (чтоб никто не подумал, что один повторяет за другим), но по сути одинаковы - вещий сон, посланный Юпитером - рассказ о нём утром - подтверждение-узнавание. Соответственно, предполагаем, что автор сценариев один - уже известный нам крупный специалист по предзнаменованиям и по толкованию снов. Если же добавить, что Октавий-старший в Македонии тоже увидел во сне именно Юпитера, а не, почему-то, Вакха, в роще которого он вообще-то гадал, то как-то очень хочется спросить: вы что, квиристы, СГОВОРИЛИСЬ?! Ещё довод против позднейшего происхождения и выдумки рассказов о знамениях - то, что сам Октавиан, когда вырос, претендовал на покровительство Аполлона, а здесь им и не пахнет! И предками Цезаря, усыновление со стороны которого принесло Октавию власть, Марсом с Венерой тоже...

Так вот, и выходит, что Фигул, Катул, Цицерон и Октавий по сценариям Фигула, заранее сговорившись и распределив роли, разыгрывают, скорее всего между 63 и 60 (в 59 не было уже ни Катула, ни Октавия, а Цицерону было не до того), представления со спецэффектами, суть которых сводится к тому, что Юпитер знаменует великое будущее малютке Октавию. Да кто он такой, Диспатер побери, этот малютка Октавий, что первые люди Республики устраивают вокруг него такие пляски с фейерверками?!

Нет, я не думаю, что Октавий был каким-то необыкновенным младенцем, или что Вольдеморту Нигидий своей злодейской магией сделал его Избранным. Я думаю, что взрослые дяди, изображая пророков и колдунов, играли в свои взрослые политические игры, а дитё в них использовали.

Так что прежде всего нужно посмотреть на самого близкого Октавию человека - его отца, Гая Октавия, который оказался в самом центре этой истории.

Вот краткая биография Гая Октавия.

Сын Гая Октавия из Велитр, происходил из богатой всаднической семьи и первым в своем роду стал сенатором. Дважды был военным трибуном; около 73 г. занимал должность квестора. Первым браком был женат на Анхари, от которой имел дочь. Вторым браком, вероятно, около 69 г., женился на Атии, племяннице Г. Цезаря, будущего диктатора, имел от нее дочь Октавию и

сына, будущего императора Августа. В 64 г., вероятно, был плебейским эдилом, в 63 г. — председателем судебной комиссии. Избран претором на 61 г., заняв первое место среди всех кандидатов; исполнял свои обязанности очень добросовестно и удачно сочетал мягкость со строгостью; заставил сулланцев возратить незаконно присвоенное имущество. После претуры направился в Македонию в должности проконсула; по дороге в провинцию уничтожил остатки отрядов Спартака и Катилины возле Фурий; в Македонии одержал победу над бессами. Проявил себя как способный и добросовестный администратор; был провозглашен императором. В 59 году намеревался добиваться консульства, однако умер в Ноле, возвращаясь из провинции.

Что мы видим – «новый человек», как называли в Риме людей, не имевших знатных предков, но претендовавших на государственные выборные должности, явно с большими амбициями, но без больших талантов, необходимых для самостоятельного продвижения в Риме. Цицерон в "Бруте", где он описывает всех ораторов-современников, об Октавии как об ораторе даже не упоминает. Начало карьеры Октавия трудное, а после квестуры она и вовсе забуксовала (обычно эдилом становились на третий год после квестуры). И вдруг – удачная женитьба, дружба со знатным и успешным человеком, с которой уже начинается взлёт – эдил в 64 это замечательная позиция для дальнейших успехов (где Октавий, интересно, взял деньги на игры, проводить которые должен был эдил, в основном за свой счёт? уж не у того же, что Цезарь, Красса ли?).

Однако в 63 году Красс, чьим союзником был Цезарь, терпит полное политическое поражение, его кандидаты (например, Аррий, который мог претендовать на консульство) не имеют шансов на победу, в 62 у власти сторонники Катюла – оптиматы, они занимают оба консульских поста, с 61, после возвращения Помпея в Рим с Востока, начинается двоевластие (один консул избирается оптиматский, другой из «партии» Помпея). Сам Цезарь остаётся в политике, но переживает трудные времена и едва ли способен оказать весомую поддержку своим протеже. Казалось бы, Октавий должен уйти в тень, как тот же Аррий.

Но именно на это время приходится новые успехи в *cursus honorum* Октавия. Особенно интересно сочетание: на выборах преторов в 62 (при двух оптиматских консулах) он занимает первое место, а в начале 61 получает по жребию лучшую из провинций – проконсульскую Македонию. Это и богатая провинция, и дающая проконсульский ранг, да ещё в ней можно вести войну – это, похоже, для не слишком речистого Октавия главный шанс выдвинуться. Надо ли говорить, что и то, и другое невозможно без прямой и сильной поддержки одной из двух правящих групп, контролирующей через консулов выборы и жребий соответственно – оптиматов во главе с Катюлом или Помпеем? Надо? Вот письмо Цицерона Метеллу, в котором без обиняков сказано, что жребий преторских провинций распределяется (в 63 году) не по случаю, а по воле консулов: *Если бы я сказал, что я ради тебя отказался от провинции, то сам показался бы тебе легкомысленным; ведь к этому меня привели мои расчеты, и от этого решения я с каждым днем получаю все больше выгоды и удовольствия. Скажу одно: едва отказавшись на народной сходке от провинции, я начал думать, каким бы образом передать ее тебе. **О жеребьевке между вами я не говорю ничего; хочу только, чтобы ты догадывался, что в этом деле ничего не было сделано моим коллегой без моего ведома.***

Так вот, получается, что Октавия в 62 и 61 СИЛЬНО толкают вверх уже совсем другие люди. И это не Помпей – с ним Октавия ничего не связывает, да у Помпея и своих людей хватает. Остаются оптиматы.

Между прочим, за ту же Македонию именно Катюл и Цицерон в 63 купили лояльность консула Антония, обеспечив его отказ защищать Катилину и Красса. Теперь эти переходящие 30 серебрянников достались Октавию.

То, что в 61, будучи претором, Октавий принимает меры против сулланцев, тоже говорит за то, что он действует в русле тогдашней политики оптиматов (я тогдашних оптиматов считаю группой или, если угодно, партией Катюла) – продвигаемый ими Катон в 64 уже обвинял сулланцев, а в 62 и вовсе перешёл к популярской агитации и провёл хлебный закон, расширяющий раздачу.

Ну и наконец в 60 году, когда Помпей продвинул в консулы Афрания и хотел провести земельный закон, Октавий с войском был в начале года придержан сенатом в Италии – я это

расцениваю как создание в Италии военной силы для того, чтобы парировать возможные неконституционные действия со стороны Африция. И руководство этой военной силой доверили именно Октавию.

Итак, суммируем - где-то около 63-62 годов Октавий получает мощную поддержку от оптиматов и прямой дорогой идёт к консульству. Я тут совершенно ясно вижу руку Катутла. Катул строил свою партию не на родственных связях с другими аристократами (даже со своим главным протезе Катонем он не скрепил союз каким-нибудь марьяжем, брак Гортензии и Цепиона состоялся уже после смерти Катутла), а как группу единомышленников. Катул не боялся привлекать на первые роли новых людей, я имею в виду Цицерона. Катул не останавливался перед прямым переманиванием к себе в команду сильных игроков из других партий, предоставляя им поддержку на выборах - так он перетянул к себе помпеянцев Цицерона и МетеллаЦелера. И Катул отчаянно нуждался в сильных и способных людях. Причём ему были нужны такие товарищи, которые не затеют за его спиной собственную игру, как Цицерон в 63 во время борьбы с Крассом, Цезарем и Катилиной. Думаю, что Октавий по всем этим критериям Катутлу отлично подошёл. Кроме того, оптиматам явно не хватало сильного кандидата в консулы на 58 год, так что после претуры ценность Октавия для них только увеличивалась.

В таком контексте все величественные пророчества Катутла и Цицерона сыну Октавия в 62-60 отлично вписываются и в кампанию Катутла за избрание нового протезе претором, и в дальнейший промоушен Октавия с прицелом на консульство.

Хотя так ли отлично вписываются? Почему тогда славное будущее предрекают именно крошке Октавию, а не непосредственно его отцу? Зачем так сложно?

Все эти рассуждения меня приводят к необходимости объяснить, какие именно особые отношения установились между Катутлом и Октавием-старшим и при чём тут Октавий-младший.

Итак, положение Катутла и его группы ("оптиматов") было в 62 году такое, что они в 63 победили, отстранили от власти и даже отчасти подчинили группу «популярков» Красса. Теперь Катул и оптиматы выступали против вернувшегося с Востока Помпея с его деньгами, ветеранами и влиянием и его претензий на особую роль в Республике. Кажется, Катул в 63-62 готовился разгромить Помпея в гражданской войне, но Помпей отказался от войны, распустил армию, вернулся в Рим и стал добиваться своих целей мирным путём. Помпей получил примерно половину власти - одно консульство в 61 и 60 - и сохранял контроль над восточной половиной владений Республики. и пытался легитимизировать через земельный закон и законы о восточных провинциях своё особое положение. Компромисса достичь не удалось, и Катул явно был намерен твёрдо стоять до конца. В таком положении было совершенно неизбежно, что Помпей рано или поздно прибегнет к силе. Катул, похоже, был к этому готов и даже подталкивал к этому Помпея - он, похоже, хотел уничтожить Помпея так же, как Красса, обострив противостояние до предела, спровоцировав оппонентов на насильственные действия и жестоко подавив их.

В 63 году, я так понимаю, Катутлу не удалось полностью реализовать подобный план из-за того, что Цицерон, его креатура, отказался взять на себя ответственность за провоцирование беспорядков и широкомасштабные репрессии против Красса и его людей и добился от сената ограничения репрессий 9 проскрибированными (из них 5 казнёнными) и, наверное, 10-20 осуждёнными.

Теперь, в новом решающем столкновении с Помпеем Катутлу был необходим во время конфликта, когда бы тот ни начался (это зависело от Помпея, а Помпей умел и выжидать, и наносить быстрые внезапные удары), на консульском посту человек сильный, решительный, и такой, чья верность была бы вне сомнений. На 60 год консулом был Метелл Целер, бывший сторонник, а теперь противник Помпея, на 59 год у Катутла был суровый друг Катоши Бибул, а вот на 58 он, кажется, предназначал Октавия.

Но после выхода Цицерона из подчинения Катул не мог быть уверен в ещё одном новом человеке, которого, к тому же, родство связывало с личным врагом Катутла - Цезарем. Так что

Катулу нужно было Октавия к себе каким-то образом привязать, сделать так, чтобы для Октавия отход от Катула и дела оптиматов (то, что сделал Цицерон) стал невозможным.

И вот я думаю, что Катул предложил Октавию, что он усыновит его сына. Итак, вот она, моя версия в четырёх словах:

КВИНТ ЛУТАЦИЙ КАТУЛ ОКТАВИАН.

(при усыновлении усыновлённый получая имя отчима-усыновителя, а его старое имя оставалось четвёртым, так Гай Октавий стал, после усыновления Цезарем, Гаем Юлием Цезарем Октавианом)

Само усыновление могло быть запланировано на лето 59 года, то есть на предвыборную кампанию в консулы 58 года. Октавий получал родственные связи с ведущим политиком Республики, равным по славе и власти Помпею, и консульство, конечно. А Катул получал верность Октавия-старшего. А ещё сына и наследника.

Так можно объяснить и усилия оптиматов во главе с Катулом по пропаганде славного будущего для малыша - конечно, у наследника Лутациев Катулов другого будущего и быть не могло! А Юпитер Капитолийский, чей храм Катул восстановил, конечно, и предназначал будущего заступника Рима к принятию в род Катулов. То есть Катул, прославляя (и запрягая Цицерона прославлять же) неизвестную никому малышня, работал не столько на дядю Октавия (что непонятно и загадочно), сколько на себя и на свой род (что уже как раз объяснимо).

Ещё один момент - Катул после смерти не оставил наследника мужского пола. Однако же, как истый римлянин и нобиль, он просто не мог такого сделать и дать роду, считавшемуся у римлян только по мужской линии, пресечься! Он должен был, обязан был как Цезарь, например, назначить наследника в завещании - но, кажется, и этого он не сделал. Вот если предположить, что Катул в его 60 лет в год смерти не плюнул на это дело, а просто не успел из-за внезапной смерти устроить свои дела с наследником, которого уже нашёл и собирался усыновить не по завещанию, а при жизни - и эта странность объясняется.

Теперь остаётся ещё раз кратко предложить хронологию:

23 сентября 63 - Фигул с ведома Цицерона делает двусмысленное предсказание Октавию, чтобы задеть Лентула Суру. Октавий реагирует неожиданно достойно, демонстрируя уважение силы оптиматов, и по-республикански. Катул задумывается.

62 Катул предлагает оставшемуся без поддержки Октавию поддержку на выборах и после неё в обмен на переход к оптиматам. Октавий соглашается и получает первое место на выборах преторов.

61 Октавий хорошо показывает себя на посту претора. Получает от консулов при жеребьёвке провинций Македонию. Скорее всего, где-то в это время Катул и сговаривается с ним об усыновлении. И именно на 61 и начало 60 я бы предположил начало исполнения договора со стороны оптиматов - вещие сны Цицерона и Катула. Это был со стороны Катула некий аванс и залог дальнейшего союза для Октавия.

60, начало. Октавий исполняет ответственное поручение сената и доказывает, что Катул может ему доверять.

(Кстати, тут можно вспомнить, что Октавий за исполнение поручения сената в 60 получает когномен "Турийский" (которым Антоний его попрекал) за уничтожение остатков катилинариев. То есть это уничтожение - это своего рода проба Катула, сможет ли Октавий убивать мятежных сограждан по поручению сената. Ничего, справился. И конечно пасынок казнённого катилинария Суры Антоний мог попрекать в 30-х сына Октавия этим прозвищем (для Антония оно звучало как "палач"), а Цезарь Октавиан - им гордиться (для него оно звучало "установитель порядка").)

60, Фракия. Октавиан, получивший от Фигула в дорожку узелок с некими реактивами, выполняет свою часть сделки (возможно, он не знает о смерти Катула) и организует знамение во Фракии, которое прославляет не его, а его сына.

А потом, в начале 60, Катул внезапно умирает и начинается совсем другая история, а история Квинта Лутация Катула Октавиана на этом заканчивается, так и не начавшись.